Овсиенко Ф.Г.

Католическая концепция диалога западно-христианской и восточно-христианской цивилизаций

Римско-Католическая Церковь – крупнейшая в мире и наиболее распространенная, жестко иерархизированная и централизованная в мировом масштабе христианская организация. К началу XXI в. она насчитывала 1061 млн верующих, что составляло 17,3% населения и больше половины (52%) всех христиан. Среди духовных лиц на тот же период насчитывалось: 193 кардинала, 4549 епископов, 405066 священников, работающих в 194 тысячах приходов, 58967 монахов и 828660 монахинь.[1]

Являясь крупнейшей христианской конфессией, Католическая Церковь сыграла огромную культурообразующую, а подчас и государствообразующую, роль в истории многих стран, прежде всего западноевропейских. Размежевание между европейским Востоком и Западом, постепенно усугублявшееся социально-экономическими и политическими противоречиями между западноевропейскими и византийскими феодалами, борьбой за верховенство в Церкви и за сферы влияния, задолго до окончательного разделения церквей в 1054 г. сопровождалось также разрывом культурного единства на территории прежней Римской империи. Если первоначально в рамках римской цивилизации сосуществовали греческие и латинские страны, то уже с конца I в. началась постепенная эмансипация латинской культуры, завершившаяся в начале V в.; с этого времени разнообразные связи между греческой и латинской общностями неустанно ослабевали. Размежевание охватило не только культуру, но и теологию, религиозную жизнь, церковные институты, литургию, монашеский образ жизни и даже так называемую «народную набожность», переплетавшуюся с локальными языческими верованиями.

---

[1] Encyklopedia Katolicka. 1 – 11 tt. Lublin. T 8. 2000. S. 1169; Католическая энциклопедия. В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 940.

Наряду с христианизацией стран Западной Европы Католическая Церковь осуществляла и христианизацию (окатоличивание) славянских племен; начатая в VП в., она продолжалась до XI в. и охватила Хорватию, Словению, Чехию, Словакию, Польшу. Одновременно с христианизацией Католическая Церковь распространяла на новых территориях выработанное в Западной Европе традиционное религиозно-культурное наследие, в основе которого лежали творения и идеи Аврелия Августина, Бенедикта Нурсийского, Папы Григория I Великого; идеи этих авторов существенно повлияли на формирование всей средневековой культуры Запада. Элементами, объединявшими в Средневековье западно-христианское сообщество, были: латинский язык, каноническое право, схоластическая культура, латинский церковный обряд, признание примата Папы и ведущей роли папства, которое вплоть до конца ХШ в. безраздельно осуществляло руководство общественной и политической жизнью Западной Европы.

Претендуя на первенство в христианском мире, Католическая Церковь в период Средневековья выдвинула идею превращения человеческого сообщества в своеобразную «христианскую цивилизацию» во главе с Римом и римским первосвященником. Осуществлению этой идеи препятствовала непримиримая позиция ряда православных церквей, а после захвата турками в XIV - XV вв. православных государств на Балканах (Болгарии, Сербии, Византии) – позиция единственного независимого православного государства в Европе – Московской Руси и ее Церкви. Второй причиной невозможности осуществления указанной идеи стало возникновение в XVI в. в лоне самого католицизма реформированного христианства, т. е. протестантизма, отвергавшего многие основополагающие принципы Католической Церкви.

Идея воссоединения христианских церквей вокруг Рима нашла свое воплощениие в униях (от лат. unio – единение). Униатство как церковное движение, направленное на присоединение к Католической Церкви других христианских церквей на условиях признания последними главенства Римского Папы и католической догматики при сохранении собственных традиций, обрядов, литургического языка и элементов церковного устройства, трактовалось Ватиканом

как форма восстановления единства католичества и православия. На основе униатства образованы все современные католические церкви восточного обряда – церкви, отколовшиеся от различных направлений восточного христианства: маронитская; греко-католическая (мелькитская); халдейская (сиро-халдейская, или ассиро-халдейская); сиро-католическая; армяно-католическая; копто-католическая. Все они базируются на одной из культурно-обрядовых традиций Востока – антиохийской, александрийской, армянской, халдейской, византийской.

Наиболее крупной униатской Церковью сегодня является Греко-Католическая Церковь, действующая, прежде всего на Украине, а также среди славянской диаспоры в Канаде, Польше, Словакии, США, Австралии и некоторых других странах. В настоящее время в конфессиональной структуре Украины эта Церковь занимает второе (после Украинской Православной Церкви Московского Патриархата) место, располагая почти 3500 приходов и насчитывая около 5 млн. прихожан.

Униатство как метод преодоления раскола и воссоздания христианского единства в целом себя не оправдало, и это было признано как Католической, так и Православными Церквами. В итоговом документе VII сессии Совместной комиссии Католической Церкви и Православных Церквей по католическо-православному диалогу (Ливан, июнь 1993) было отмечено, что хотя католические общины восточного обряда и обладают равными с другими христианскими общинами правами, однако «историческая форма апостольского миссионерства, именуемая униатством, не может быть принята ни как метод поведения, ни как модель единства, которого ищут наши Церкви».

Униатство перестало устраивать иерархию Католической Церкви в силу различных причин, но в немалой степени и потому, что оно охватывало лишь незначительную часть христианского мира. Поэтому на первое место в планах воссоединения расколотого в религиозно-культурном отношении христианского мира выдвинулись иные концепции.

В первой половине 1950-х гг. довольно популярным в католической среде становится «проект будущего», предложенный видным католическим

теологом и ученым – палеонтологом, археологом и биологом П. Тейяром де Шарденом (1881 – 1955). Согласно ему, осуществляющийся на основе принципа эволюции прогресс в мире выражается в интеграции всех «элементов мира» в единое целое. Применительно к человеческому обществу это означает всеобщую «тотализацию» и «интернационализацию». По Тейяру, будущее станет выражаться в образовании своеобразного «древа духа», которое вырастает из соединения разнообразных и пока еще взаимоисключающих течений: христианства, демократии, восточной мистики, коммунизма и даже фашизма. При этом падут все интеллектуальные, культурные, национальные и языковые барьеры. Вначале возникнут единые общечеловеческие культура, техника, наука, мораль и религия. В конечном итоге история человечества перерастает у Тейяра в эсхатологию – учение о конечных судьбах мира и человека, а сама жизнь общества – в проект эволюции от низших социальных форм к высшим формам психизма, где человеческое сознание, духовная культура отделятся от своих материальных носителей и будут существовать самостоятельно, как особая сфера реальности.

Учение П. Тейяра во многом противоречило ортодоксальным католическим представлениям о мире, человеке и обществе. За религиозное инакомыслие П. Тейяр при жизни был лишен церковными властями права преподавания и публикации философско-теологических сочинений. Однако, начиная с 60-х годов, его взгляды стали широко восприниматься не только христианскими модернистами самой различной ориентации, но и находить отражение в официальных документах Католической Церкви.

Идея трансформации человеческого сообщества в «общечеловеческую семью» на основе единой христианской культуры в Новейшее время официально была выдвинута в 50-х гг. XX столетия Папой Пием XII, однако документальное воплощение она нашла лишь в 60-х гг. – вначале в энцикликах Иоанна XXIII “Pacem in terris” («Мир на земле», 1963) и Павла VI “Ecclesiam suam” (Своей Церкви», 1964), а несколько позднее - в пастырской конституции II Ватиканского собора “Gaudium et spes” («Радость и надежда», или «О Церкви в современном

мире», 1964) и в декларации «Nostra Aetate» («Об отношении Церкви к нехристианским религиям», 1965).

От прочих светских концепций церковная отличалась тем, что далеко выходила за рамки обычных «конвергентных» социотехнических решений, согласно которым из-за всеобщего характера научно-технического прогресса и глобализации экономики и культуры рано или поздно произойдет сближение двух систем – капитализма и социализма с их последующим синтезом в смешанном обществе, а также двух религиозно-культурных сообществ – западного и восточного. Провозгласив необходимость создания «единой человеческой семьи» (“Pacem in terris”, § 73), церковные иерархи подводили под свою идею более широкую философскую и теологическую платформу. Разумеется, церковная концепция конвергенции делала при этом акцент на духовном сближении всех людей на морально-религиозной основе.

В то же время и «социотехнические» теории единения человечества находили свое отражение в католицизме. Наиболее оптимистично настроенные теологи в 60 – 70-х гг. пытались даже доказывать, что процесс интеграции человечества в «единую человеческую семью» уже начался, а его проявление усматривали в развитии международной торговли, туризма, в количественном увеличении международных организаций, съездов и конференций, в централизации и «интернационализации» средств массовой информации, в развитии культурного и научно-технического сотрудничества, но особенно - в интенсификации межрелигиозного диалога. Профессор моральной теологии Академии католической теологии в Варшаве С. Олейник так описывал и оценивал этот процесс: «Многие факторы сближают людей, государства и народы. Правда, сближение в области культуры и обычаев опережает процесс политического сближения. В политическом смысле человечество пока еще существенно разделено, но его уже объединяют многие факторы повседневной жизни. Нас объединяют плоды современной науки и искусства, но особенно массовой техники. И хотя еще многие люди на земном шаре мыслят по-разному и по-разному воспринимают действительность, с другой стороны, огромные массы людей живут одинаково: одинаково одеваются,

занимаются спортом и «болеют» за свои команды, смотрят одни и те же фильмы и телепередачи, танцуют одни и те же танцы и т. д. Благодаря этим и другим факторам люди сознают, что они являются жителями одной планеты, а сама Земля – их общая родина… Необходимо усилить пропаганду идеи единой судьбы человечества, братства всех членов человеческой семьи»[1].

Основной посылкой энциклики “Pacem in terris”, пастырской конституции «О Церкви в современном мире» и других церковных документов было доказательство того, что между человеческой личностью, отдельными государствами и будущим единым человеческим сообществом существует тесная взаимосвязь и взаимозависимость. Основу этой взаимозависимости составляет общее благо людей, содержание которого всегда остается неизменным во всяком обестве; таковым благом на земле является совершенствование человеческой личности, особенно в духовно-религиозной сфере.

Идея сближения людей, цивилизаций и лежащих в их основе религий объективно требовала и новых подходов к проблеме диалога. В частности, требовалось переосмыслить само понятие диалога.

В католической средневековой мысли в качестве диалога выступала идея “corpus christianum” («христианского тела») как предпосылка единого христианского сообщества во главе с Ватиканом; данный диалог не предусматривал толерантного отношения к другим религиям. В новых условиях истолкование диалога исключительно в контексте миссионерства по отношению к другим религиям либо же религиозно-культурного ощущения превосходства католицизма над ними становился неприемлемым. Новый подход выразился в том, что, начиная с 60-х годов XX столетия, в католицизме усиленно начинает пропагандироваться идея религиозного и мировоззренческого плюрализма, идея толерантности.

В середине 60-х гг. Ватикан сформулировал положение, согласно которому диалог в широком смысле слова – это своеобразная форма взаимодействия и общения личностей, групп и сообществ, базирующаяся на принципах равноправного партнерства, целью которой является устранение

[1] W kierunku człowieka // Dzieło zbiorowe. Warszawa, 1971. S. 340.

предубеждений, достижение взаимопонимания, обмен опытом, а также совместная разработка различных проектов. Кроме того, диалог – это также сотрудничество на основе взаимно признаваемых гуманистических ценностей. В зависимости от участвующих в диалоге партнеров были выделены: межрелигиозный, мировоззренческий и смешанный виды диалога. Именно поэтому документы II Ватиканского собора (1962 – 1965) четко постулировали необходимость диалога с «отлученными братьями», т. е. православными и протестантами (декрет «Об экуменизме»), с различными мировоззрениями и идеологиями (пастырская конституция «О Церкви в современном мире»), а также с нехристианскими религиями (декларация «Об отношении Церкви к нехристианским религиям»).

В энциклике “Pacem in terris” («Мир на земле», 1963), которую Иоанн XXIII адресовал не только верующим различных исповеданий, но и «всем людям доброй воли», Папа обосновал необходимость взаимодействия всех государств по защите мира и других ценностей, утверждая, что даже ошибочные теории могут содержать в себе определенное рациональное зерно и стимулировать людей к социально значимой, объединяющей их деятельности.

Преемник Иоанна XXIII Папа Павел VI в энциклике “Ecclesiam suam” соединил концепцию диалога с идеей апостольской миссии Католической Церкви, трактуя диалог как форму евангелизации мира. В качестве общих ценностей в этом диалоге были названы: мир, справедливость, свобода, прогресс, культура. В этом документе Павел VI отметил, что отдельные некатолические концепции содержат в себе определенные ценные элементы, которые Католическая Церковь может принять. Однако она не может принять ценности, связанные с атеизмом, которые Павел VI определил как «опасное зло отрицания». В то же время Папа в энциклике не исключил диалога с самими атеистами и даже с устройствами, инспирируемыми атеизмом.

II Ватиканский собор подтвердил концепцию диалога с миром (его евангелизации) как основной формы осуществления религиозной миссии Церкви (пастырская конституция «О Церкви в современной мире»). Приобщение к

религиозным ценностям и их унификация в ходе диалога были определены в качестве основного средства интеграции людей.

Согласно официальным соборным и послесоборнным документам, диалог Католической Церкви с другими христианскими конфессиями базируется на следующих принципах: антропологическом (непреходящая ценность человека как личности), креационистском (вера в то, что Бог сотворил весь мир и каждого человека), ревеляционистском (Бог открывается человеку), христологическом (Иисус Христос является спасителем всех людей), а также пневматологическом (вера во всеобщее присутствие Святого Духа, в том числе и в других культурах и религиях). Католическая Церковь подчеркивает: цель межрелигиозного диалога вовсе не состоит в создании единой общей религии для всего человечества, цель состоит в поисках «взаимоприемлемой истины», т. е. взаимоприемлемых положений. Главным же условием, необходимым для ведения межрелигиозного диалога, является взаимное уважение партнеров по диалогу, устранение различных препятствий, затрудняющих его ведение, к которым относятся: недостаточное знание сути других религий, объективные культурные различия.

В рамках Римской курии межрелигиозный диалог в настоящее время осуществляет Папский Совет по делам диалога, издающий свой журнал „Pro Dialogo”.

На пути к новой общности, которая должна вырасти на основе интеграции придерживающихся различных воззрений современных сообществ, необходимо, по мысли Иоанна XXIII, во-первых, обеспечить их мирное сосуществование, во-вторых, устранить существующие экономические диспропорции и, в-третьих, создать условия для «культурного выравнивания» народов, отставших в своем развитии от промышленно развитых стран.

Предложенный возглавившим в 1978 г. Католическую Церковь Папой Иоанном Павлом II образ будущего базируется преимущественно на теологически истолкованном принципе братства людей. Согласно концепции понтифика, предварительным условием создания «единой цивилизации любви» должна стать реализация своеобразно истолкованного экуменизма. Трактуя экуменизм

расширительно, Папа имеет в виду не только сближение Католической Церкви с другими христианскими церквами, но и с нехристианскими конфессиями. При этом он предлагает определенную иерахизацию такого сближения согласно «степени достижения людьми истины о Боге». Ставя в центр единого сообщества католиков, рядом с ними он располагает униатов, а затем представителей других направлений христианства. Следующий, более широкий круг охватывает приверженцев монотеистических религий: иудаизма, ислама и буддизма. Периферию, а одновременно и самый широкий круг этой конструкции занимает все остальное человечество.

Под экуменизмом в узком смысле слова Католическая Церковь понимает «воззрения и позицию, отражающие стремление христиан различных направлений к объединению в Единой Церкви Христовой при сохранении плюрализма в вероучении, культе и организации».[1]

Как известно, экуменическое движение как попытка практического объединения расколотых на три основных направления христиан было инициировано протестантами еще в XVII в., но вначале оно трактовалось католиками и православными как посягательство на их прерогативы. Тем не менее, в начале XXI в. членами экуменического движения во главе с его руководящим органом - Всемирным Советом Церквей (ВСЦ) – уже являются 342 церкви протестантской, православной и старокатолической традиций из 120 стран. С 1961 г. членом ВСЦ является и Русская Православная Церковь. Помимо попыток разрешить межконфессиональные противоречия, руководящие круги экуменического движения поднимают вопросы борьбы за мир, экологии и другие глобальные проблемы современности. И хотя с начала 1990-х гг. экуменическое движение в мире в силу различных причин переживает серьезный кризис, тем не менее, ВСЦ остается крупнейшей международной организацией, где представители нескольких сотен христианских конфессий могут в ходе дискуссий совместно решать межконфессиональные, социальные, организационные и иные проблемы.

[1] Encyklopedia Katolicka. 1 – 9 tt. Lublin. T 4. 1995. S. 853.

Католическая Церковь не является членом ВСЦ. Длительное время эта Церковь исключала возможность своего участия в экуменическом движении, руководствуясь убеждением, что единственным путем к подлинному единству является возвращение всех христиан в лоно католицизма. Декрет Священной канцелярии Католической Церкви от 1919 г. запрещал католикам участвовать в конгрессах «отлученных христиан». Папа Пий XI в энциклике “Mortalium animos” («Души смертных», 1928) подверг критике экуменическое движение, обвиняя его в «панхристианстве», которое хотя и основывается на взаимной любви, однако приносит вред вере. «Католики, - высказывал свое отношение к экуменизму Папа, - ни в коем случае не могут одобрить эти попытки, основанные на ложной теории, что все религии более или менее хороши и здравы. Отбрасывая истинную религию и искажая ее верное понятие, они мало-помалу впадают в натурализм и атеизм; поэтому ясно, что объединение со сторонниками этих доктрин и их попыток будет отдалением от божественно явленной религии... Церковь изменила бы своему назначению, приняв участие в панхристианских предприятиях... Ни под каким видом католикам не дозволяется вступать в подобные предприятия или же способствовать им". Такой же запрет на участие в экуменическом движении был подтвержден Священной канцелярией и в 1948 г.

Апостольская Столица изменила свое отношение к экуменическому движению в период понтификата Иоанна XXIII (1958 – 1963). С 1960 г. Ватикан участвует в работе ВСЦ в качестве наблюдателя. Но, даже не являясь членом ВСЦ, Католическая Церковь принимает активное участие в разработке многих документов различных советов и комиссий этой международной организации. Нежелание становиться полноправной участницей экуменического движения эта Церковь объясняет ссылками на то, что, как отметил II Ватиканский собор, «все элементы освящения и истины во всей своей полноте существуют лишь в Католической Церкви, и без такой полноты – в других сообществах». Фактически же Ватикан активно проводит в мире свою собственную экуменическую политику.

В центре внимания современного Ватикана находятся, прежде всего, проблемы преодоления накапливавшихся в течение веков противоречий и

расхождений исторического, культурного и сугубо религиозного характера между западно-христианским и восточно-христианским сообществами. Деятельность в этом направлении особенно активизировалась в период понтификата Иоанна Павла II.

На пути к сближению западно-христианской и восточно-христианской цивилизаций, по мысли Иоанна Павла II, надо, прежде всего, воплотить в жизнь идею «единой христианской Европы», которая должна охватывать территорию от Атлантики до Урала. Христианство может выступить в качестве своеобразного моста между различными частями Европы, если оно сможет осуществить процесс христианской инкультурации, под которой, согласно энциклике “Slavorum apostoli” («Апостолы славян», 1985), необходимо понимать «воплощение Евангелия в местных культурах, и одновременно их приобщение к жизни Церкви».[1] Конкретизируя же понятие инкультурации применительно к отношениям Ватикана и России, Иоанн Павел II характеризует его как взаимопроникновение ценностей западного христианства и ценностей русской православной культуры

Проблеме христианской инкультурации Иоанн Павел II посвятил целый раздел указанной энциклики, написанной по случаю 1100-летия со дня смерти святого Мефодия и одновременно приуроченной к 1000-летнему юбилею введения христианства на Руси. Миссия святых Кирилла и Мефодия, выполнявших одновременно поручение Римской и Константинопольской Церквей, собственно, и именуется Папой прототипом современной инкультурации. Для современных людей, как отмечает Иоанн Павел II, апостольство святых братьев имеет характер экуменического призыва к созиданию единства Востока и Запада; дело Кирилла и Мефодия представляет собой выдающийся вклад в создание общих корней Европы, оно и ныне может способствовать созданию нового единства на континенте.

В основе папской концепции лежит тезис о необходимости взаимного восприятия Восточной и Западной Церквами тех духовных ценностей, которые они вырабатывали самостоятельно на протяжении веков, при одновременном сохранении самобытного характера каждой национальной культуры. Каждая

[1] Цит. по: Иоанн Павел II. Единство в многообразии. Милан – Москва, 1993. С. 109.

национальная традиция и каждая поместная христианская Церковь, по убеждению Иоанна Павла II, должны быть открыты и доступны для других церквей и традиций и вместе с тем для кафолического (вселенского) общения со всеми; если они (национальные традиции и локальные церкви) «останутся замкнутыми в самих себе, то подвергнутся опасности самообеднения»[1].

Обобщая на страницах «славянской» энциклики деятельность Кирилла и Мефодия, Иоаннн Павел II говорит о Церкви как институте, открытом разным культурам и традициям, способном объединить их вокруг себя. Предложенная святыми братьями свыше тысячи лет тому назад модель единения – не поглощение и не слияние, а «встреча в истине и любви» на основе Евангелия. «Евангелие, - утверждает Папа, - не ведет к оскудению или угасанию того, что каждый человек, народ и страна, каждая культура на протяжении истории признавали и воплощали как добро, истину и красоту. Оно скорее побуждает усваивать и развивать все эти ценности…»[2]

Тема естественного включения христианства в национальные культуры – основной мотив не только энциклики “Slavorum apostoli”, но и многих других документов Иоанна Павла II. Инкультурация предстает в них как очищение и возвышение местных культур, на основе которых Церковь должна созидать гармоничное целое. Кроме того, инкультурация, сопутствующая евангелизации, выступает у Папы как нечто противостоящее любым идеологиям и всякому насилию – она всегда имеет исключительно мирный характер. Идущая параллельно с инкультурацией евангелизация славянских народов – русских, украинцев и белорусов, в течение десятилетий находившихся в «разлуке» с религией и ее ценностями, по словам Папы, «принимает, соединяет и возвышает все подлинные человеческие ценности»[3]. Лишь взаимообогащение обеих частей Европы различными духовными ценностями позволит, по образному выражению

[1] Цит. по: Иоанн Павел II. Единство в многообразии. Милан – Москва, 1993. С. 115.

[2] Там же. С. 107.

[3] Там же. С. 107.

понтифика, пока еще политически и культурно разделенному континенту «дышать обоими легкими».

Проблема диалога между двумя христианскими конфессиями – православием и католицизмом, а также между двумя традиционно связанными с ними культурами, или, если говорить шире, цивилизациями - имеет давнюю традицию и на российской почве. Еще в XIX в. многие русские «западники» (Т. Н. Грановский, П. Я. Чаадаев, князь И. И. Гагарин, семьи князей Голицыных, Волконских и др.) выступали за скорейшее "вхождение" России в Европу. Это тем более возможно и необходимо, утверждали они, что в истории России уже было несколько "прививок" западной культуры, которые существенно трансформировали русскую почву. Выдающийся русский философ В. С. Соловьев считал догматические и иные расхождения между православием и католицизмом несущественными и мечтал о «единой Вселенской Церкви», создание которой стало бы возможным без отказа от освященных столетиями традиций, одинаково дорогих, как для Востока, так и для Запада.

О необходимости широкого диалога между западно-христианской и восточно-христианской общностями сегодня говорят ученые и богословы. Такой диалог не может быть и не является однонаправленным, и интеллектуальная мысль Запада готова воспринять и воспринимает глубокие наработки восточно-европейской цивилизации в духовной сфере.

Процесс диалога сегодня еще существенно тормозят взаимные претензии Церквей на обладание «полной истиной», непростые отношения между Ватиканом и Русской Православной Церковью из-за принадлежности храмов на территории Западной Украины, нередкие обвинения в прозелитизме. Думается, однако, что рано или поздно отмеченные противоречия будут устранены, и на первый план в отношениях между конфессиями и цивилизациями выйдут проблемы, как общего, так и самобытного их духовно-культурного наследия в контексте сближения и гармонизации, а не разъединения и конфронтации.